

О КАРДИОЛОГИИ И О ЖИЗНИ: интервью с интересным человеком

ЖАЛЕТЬ НАДО БОЛЬНОГО, А НЕ СЕБЯ

Время задает нашему обществу сложные нравственные задачи. Ответы на них мы искали с Александром Викторовичем Недоступом — доктором медицинских наук, профессором-кардиологом Первого Московского государственного университета имени И. М. Сеченова, возглавляющим Общество православных врачей Москвы.

– Александр Викторович, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье.

– Я из семьи служащих. Мой отец был инженером, работал на Первом Московском часовом заводе имени Кирова, мама — библиограф. Все мои предки по материнской линии были духовными лицами. Дед, протоиерей Александр Раевский, был председателем тульского общества трезвости, директором церковно-приходской школы, настоятелем большой церкви сначала в Заречье, где располагаются оружейные заводы, потом — храма в центре Тулы.

Меня в детстве в церковь водили редко — оберегали, годы были сталинские. Подросток — сам стал заходить. По-настоящему пришел к вере после тяжелых событий, произошедших в моей жизни. Тогда ноги сами привели меня в храм. Так приходят к Богу многие.

– Кто в детстве оказал на Вас самое сильное влияние?

– Конечно, родители. Они воспитывали меня в большой любви и не очень большой строгости. Прежде всего, внушали, чтобы я был честным, трудовым че-

ловеком. Требовали держать свои игрушки и книжки в порядке, с чем я плохо справлялся. Сказать, что заставляли учиться, не могу. Правда, в середине пятого класса, когда я стал немножко халтурить, разок «воспитнули». Потом уже не надо было: я окончил школу с золотой медалью.

Отношения с одноклассниками были нормальные. До 9 класса учился в мужской школе на Таганке. Когда нас объединили с девочками, все изменилось: стало как-то светлее, интереснее, мягче.

– Как стали кардиологом?

– В первую очередь, не кардиологом, а терапевтом. Мой дядя, академик Евгений Михайлович Тареев, был крупным отечественным терапевтом. Когда он увидел, что я склоняюсь к кардиологии, сказал: «Имей в виду, что кардиологов нынче, как в лесу поганок, а хороший терапевт — как белый гриб».

Конечно, Евгений Михайлович оказал на меня влияние, но поступал я в медицинский институт не потому, что думал о поддержке с его стороны, мы были другие, с иной ценностной системой. Кстати, моя тетушка, жена Евгения Михайловича Тареева, Галина Александровна Раевская (дочь протоиерея Александра Раевского) тоже была терапевтом и кардиологом.

В институте я долго ждал, когда начнется настоящая медицина, клиника. И вот тут, когда она началась, и сказалось влияние Евгения Михайловича: я захотел стать терапевтом, толком не понимая, что это такое. Понимание пришло, когда стал работать в Факультетской терапевтической клинике, где были замечательные учителя.

– Вы — педагог с многолетним стажем. Что можете сказать о вчерашнем и сегодняшнем уровне преподавания, о качестве современных студентов?

– Способности у вчерашних и сегодняшних студентов, думаю, одинаковые, а вот уровень преподавания — другой. В наше время медицина в чем-то была сильнее — я имею в виду не технические возможности, а врачевание. Мы учились у великих — у того же Е.М. Тареева, у В.Н. Виноградова, А.Л. Мясникова, В.Х. Василенко, они были преподавателями нашего института. И доценты, и профессура были прекрасные.

Сейчас уровень медицины, как и уровень преподавания в целом, мне кажется, несколько опустился. Почему — это очень серьезный вопрос. В первую очередь, думаю, это следствие так называемой перестройки, ведь в советское время педагогика, воспитание были на очень серьезном уровне. Не было тех диких реформ, которые нас захлестнули в последние 20 лет. В советское время существовала сильная русская педагогическая образовательная школа. И люди были нравственнее, а это играет очень большую роль, я бы вообще поставил вопросы нравственности на первое место. Потом появились скепсис, прагматизм, иная ценностная шкала. Плоды этого мы пожинаем сегодня.

– Чем ваши студенты отличаются от ваших однокурсников?

– Мне очень понравились слова легендарного врача Льва Яшина. Когда его спросили, чем вы, когда были еще молодыми спортсменами, отличались от нынешних молодых спортсменов, он ответил: мы были проще. Могу сказать то же самое: мы были проще. Нам все было понятно, во главу угла мы ставили не собственный успех, а интересы общества, мы хотели лечить, помогать людям, и так далее. Сегодня, конечно, это тоже есть, но уже в школах, чуть ли не в первом классе детям внушают, что в жизни, прежде всего, надо добиться личного успеха. Мы об этом не думали, даже говорить на эти темы было не принято. Мы честно учились, сдавали экзамены, ехали по распределению на место работы. Не бегали, не хлопотали. По интеллекту нынешняя молодежь, наверное, выше нас, тогдашних, все пользуются компьютером, интернетом, хотя не уверен, что это имеет отношение к интеллекту. Может быть, и нет. Утешает, что старшеклассники, студенты младших курсов опять начинают читать книги.

– Чем живет студенчество сегодня?

– Не могу сказать, потому что на тесное общение со студентами нет времени. Мы должны без конца «впихивать» в них знания, объем которых за эти годы (я окончил институт 50 лет назад) просто катастрофически вырос. А мы, преподаватели, должны им очень многое дать с профессиональной точки зрения. Недавно ко мне приходили шестикурсники, выпускники. Они решили записать на видео напутствия своих педагогов, и, когда мы пообщались, они сказали: «Как жаль, что мы с вами никогда так не говорили». Мне тоже очень жаль.

– Какое напутствие Вы им дали?

– Сказал, чтобы быть хорошим врачом, нужно, прежде всего, жалеть больного. Любить больного — это высочайшая категория, евангельская максима «возлюби ближнего своего». К этому надо стремиться, воспитывать в себе всю жизнь. Но если в сердце нет жалости,

из профессии надо уходить. И надо всю жизнь учиться, читать, ходить на конференции, конгрессы, курсы повышения квалификации, и так далее. Тогда все будет хорошо.

– Какие качества пытаетесь привить студентам?

– Добросовестность, уважение к медицине, работоспособность, старательность, серьезное отношение к делу. И то, о чем я говорил, — чувство жалости к больному, сострадание, без которых нет врача. Учу думать о развитии своего внутреннего мира, души, не гасить в себе крупитцы веры, если она есть. Вера много дает для понимания и происхождения болезни, влияет на понимание своих обязанностей по отношению к больному. Для себя я придумал такой афоризм: нужно больше жалеть больных, и меньше — себя.

– Вы возглавляете Общество православных врачей Москвы. А как возник союз верующих врачей?

– Юрий Трофимович Лисица, профессор кафедры математического анализа и теории функций Российского университета дружбы народов, по совместительству еще и заведующий кафедрой религиоведения миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, как-то попросил меня выступить с докладом «О современной русской медицине», и посоветовал прочитать статью Ивана Александровича Ильина на эту тему. Кстати, Юрий Трофимович многие годы занимался изданием собрания сочинений И.А.Ильина. Я прочитал статью, подготовил доклад, выступил, его передали по радио «Радонеж». Выступление услышали несколько православных докторов, работавших в Минздраве, — Н. Филимонов, Т. Багдасарян, В. Антипенков. Они и предложили мне организовать общество православных врачей. В 1995 году мы его создали. Летом того же года прошло первое заседание общества, которое благословил великий русский старец архимандрит Кирилл (Павлов), легендарный защитник Сталинграда, Герой Советского Союза, замечательный человек, огромной любви, пронизательности и прозорливости. Он приходил на заседания, отвечал на наши вопросы. К нам приходили священники, философы, мы стали оформляться организационно и содержательно. Сегодня на заседаниях общества мы обсуждаем и собственно медицинские вопросы, иногда устраиваем конференции, посвященные современной медицине, профессиональной этике, и так далее.

В 2007 году общество стало всероссийским. В Петербурге выпускается наш журнал «Церковь и медицина», на который можно подписаться, начиная с этого полугодия. Это заслуга председателя Общества православных врачей Санкт-Петербурга им. свт. Луки (Войно-Ясенецкого) протоиерея Сергия Филимонова

– кандидата богословия, доктора медицинских наук, профессора.

От других профессиональных объединений Общество православных врачей отличается, прежде всего, духовной компонентой. Наше начинание было поддержано во многих регионах России (сегодня уже в 63), на Украине, в Казахстане, Латвии. В Белоруссии общество православных врачей возникло практически одновременно с нашим. Врачам сразу стало ясно, что создание таких сообществ – это прекрасная идея. Все-таки, православный врач отличается от неверующего коллеги иным пониманием происхождения болезни, другим отношением к ее лечению. Хотя, по мнению профессора И.В. Силуяновой, если сравнить клятву Гиппократова и современное обещание врача, оканчивающего институт, то, за небольшим исключением, они вполне христианские и соответствуют нашим нравственным нормативам. Кстати, Общество православных врачей разработало Кодекс профессиональной этики православного врача, отвечающий на нравственные вопросы, которые стоят перед нами. Это очень интересный документ.

– Как к православным врачам и сестрам относятся больные?

– Мы не афишируем, что мы православные, но и не скрываем этого. Думаю, если в отделении достаточное количество православных врачей, и другие относятся к ним с уважением, стиль работы в коллективе меняется. Появляется больше мягкости, добросердечия, ответственности перед больными. Не хочу никого обидеть, просто православные люди добровольно и естественно берут на себя такие обязательства.

Православный врач действительно должен по-божески относиться к больному, быть профессионально безупречным, не думать слишком много о себе, по возможности проводить некую «просветительскую» работу, но очень тактично. С больным обязательно нужно разговаривать. Когда я осматриваю больного и вижу на нем крестик, то ненавязчиво интересуюсь, бывает ли он в храме, причащается ли, но только интересуюсь не сразу, а в середине разговора, когда пойму, что такие вопросы уместны. И ответ обычно бывает отрицательным, тогда я советую больному исповедаться и причаститься. За всю жизнь на совести у каждого накопилось много такого, от чего, по возможности, надо себя освободить, очистить. Больные хорошо это воспринимают. Сейчас во многих стационарах принято посещение больных священником, который может побеседовать, исповедать, причастить, соборовать.

– Помогает ли Вам вера в Бога?

– Этот вопрос мне представляется слишком прагматичным. Вера вообще все меняет в человеке. Я считаю, что неверующий врач обедняет себя, для него закрыта огромная область человеческого духовного опы-

та, хотя он может обладать прекрасными душевными качествами. Существует термин, не мной придуманный, – анонимное христианство. По сути, человек ведет себя, как истинный христианин, он добросердечный, трудяга, работает с утра до ночи, жалеет больных, все для них делает, его телефон включен и ночью, и днем. Но Бог веры ему пока не дал. Думаю, такие врачи в работе практически ничем не отличаются от православных, а то и бывают лучше нас, грешных. Такие прекрасные качества даны им Богом, но они еще этого не поняли. А почему одни понимают, а другие нет – это тайна.

– Хотелось бы узнать, как православные врачи относятся к эвтаназии, абортам, суррогатному материнству, ЭКО-оплодотворению, гомосексуализму, однополом бракам и усыновлению детей такими «родителями», трансплантации органов?

– Ко всему, что связано с убийством человека, – отрицательно. Эвтаназия – явное прямое убийство, даже если к ней прибегают из сострадательных побуждений. Мой добрый знакомый, замечательный доктор, психиатр Дмитрий Иванович Рагульский говорит, что проблемы эвтаназии нет. Есть проблема эффективного обезболивания и эффективного снятия тяжелой депрессии, тревоги. Если бы это делалось в полном объеме, вопрос эвтаназии, наверное, не стоял бы. Думаю, что у нас в стране его искусственно инспирировали на дебатах, дискуссиях, всевозможных шоу, и надеюсь, что всерьез он в России никогда не возникнет. У нас другое сознание и другая основа бытия – православие. Россия в основе своей, все-таки, православная страна, и русская идея, о которой так много говорят, – это утверждение и сохранение православия. Православие живет в глубине нашего мироощущения и должно лежать в основе государственного устройства. Если это понять, тогда все становится на свои места.

Аборт — явное убийство, поэтому отношение к нему у православных врачей отрицательное. Нам кое-что удалось сделать, чтобы сократить количество абортов. Не так давно прерывать беременность можно было по социальным показаниям, которых, по-моему, было около 15. Одно из них — если ты мать-одиночка, то есть, любая девчонка может наблудить, и в поздние сроки — до 21 недели — сделать аборт. Это безумие. В конце концов, нам удалось, объединив усилия с Минздравом, сократить список подобных социальных показаний, спасибо покойной Татьяне Борисовне Дмитриевой. В нем осталось изнасилование, и, по-моему, критические ситуации, когда продолжение беременности грозит жизни и матери, и младенца.

Как относиться к этому последнему случаю? У нас есть жесткие консерваторы, которые говорят, что аборт все равно делать нельзя, что Бог даст, пусть то и будет. Но эта позиция многими оспаривается, она очень жесткая. И архимандрит Кирилл (Павлов), который для меня является непререкаемым авторитетом во всех вопросах, связанных с такого рода ситуациями, говорил, если мать не хочет продлевать беременность, и ее жизни угрожает опасность, то ни врач, ни священник не имеют права говорить: рожай. Это аморально, это все равно, что поставить человека к стенке. Мы не имеем права так делать. А если женщина сама сознательно идет на продолжение беременности, тогда мы должны снять перед ней шляпу, отойти в сторону и молить Бога, чтобы все завершилось благополучно. Это сложный вопрос. Мы несколько раз обсуждали его на заседании Общества православных врачей. Единого мнения не было: и среди священников, и среди врачей были и те, кто за, и те, кто против.

Если говорить об ЭКО-оплодотворении, то, как только возникает проблема «невостребованных» или уже имплантированных «лишних» эмбрионов, оно становится убийством. Часть врачей считает, что в любом случае ЭКО не должно проводиться искусственно. Потому что это насилие над природой, а дети, полученные с помощью такой методики, чаще болеют. С этим не согласны специалисты в области ЭКО. Для меня вопрос не ясен, но в любом случае, говорить можно только о методике, предусматривающей наличие одного эмбриона, полученного из одной мужской и одной женской клетки, тогда не получают избыточные «запасные» эмбрионы, и они не имплантируются в матку, чтобы потом не пришлось выскабливать «лишние». Тем более, зиготы — первая клеточка — не должны замораживаться: если они окажутся не востребованы, их уничтожат, убьют. К этому можно относиться по-разному: мы убиваем человека или «человеческое существо»? Но суждение по этому поводу очень простое: слились две клетки, мужская и женская, совершенно разные. Возникла новая человеческая сущность, которая, при до-

статочном обеспечении питательными веществами, кислородом и т.д., разовьется в человека. А, стало быть, руки прочь. Убивать живое существо человеческого рода — значит, убивать человека. Таким образом, государственно поощрять экстракорпоральное оплодотворение мне кажется аморальным. Это ошибка.

Суррогатное материнство — это, конечно, извращение, насилие над природой, которое рождает массу тяжелых психологических коллизий. Выносившая ребенка женщина ощущает близость с ним, но вынуждена его отдать, и это тяжелый психологический конфликт, передающийся ребенку: в конце концов, он может об этом узнать. Здесь есть что-то ненатуральное, противоестественное, противоречащее человеческому раскладу. Поэтому к суррогатному материнству Церковь относится отрицательно, и в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой в 2000 году, оно осуждается.

К трансплантации органов православные врачи, церковь относятся положительно. Если соблюдать правила констатации смерти организма, а критериев здесь больше 20, то это можно делать, потому что помочь человеку — святое дело. Но — если смерть мозга уже произошла, и человеческая душа уже здесь отсутствует. Кстати, Валерий Иванович Шумаков, один из основоположников отечественной трансплантологии, за свою деятельность получил орден от Русской Православной Церкви.

Это очень тяжелая проблема, которая обозначается как презумпция согласия и презумпция несогласия. Мы, конечно, должны всячески поддерживать и декларировать презумпцию несогласия. Но тогда, как говорил Валерий Иванович Шумаков, всех трансплантологов придется отправить по стране собирать расписки, что человек согласен на трансплантацию своих органов после смерти. Это проблема, которую еще предстоит решать.

– Гомосексуализм — это болезнь или разврат?

– Я считаю, что в большинстве случаев — это разврат. В небольшом количестве случаев — болезнь, которую нужно лечить. Никаких компромиссов, послаблений в этом отношении для меня не существует. И для Православной Церкви тоже. Гомосексуализм не должен рассматриваться как норма, он противоречит человеческой природе. Как и признание однополых браков. Это аморально, а усыновление детей такими «родителями» — вдвойне аморально.

– Сейчас появилась еще одна напасть — Россию заставляют ввести в школах и детских садах сексуальное просвещение детей.

– Раннее сексуальное просвещение детей — это безумие, проповедование разврата. Какими бы благими целями оно ни прикрывалось, на первом месте стоит

то, что ребенок получает информацию о половой жизни в полном объеме не в свое время и не в должной форме. Насаждение разврата в детских душах — страшный, тяжелый грех, который мы ни в коем случае и ни под каким видом признавать не должны. Как с этим быть? На этот вопрос хорошо ответили психологи Ирина Медведева и Татьяна Шишова. Когда их спросили, неужели лучше учиться этому в подворотнях, они ответили: да, лучше в подворотнях, как этому учились мы. Тогда не было никакой просветительской литературы, но мы понимали, что это «стыдная» тема, и говорить об этом запросто, вслух, в компании — нельзя.

Если относиться к этому серьезно, то, по-видимому, с какого-то возраста нужно, чтобы в школу приходили настоящие специалисты, делили класс на две половины — мужскую и женскую, и (пускай под неизбежное хихиканье) очень серьезно, аккуратно рассказывали детям о проблеме, и не всё, а частично. Самое милое дело — переложить эту ответственность на родителей, но ведь они могут оказаться некомпетентными. Поэтому вопрос до конца не решен.

Знаю одно: нас никогда не оставят в покое. Сколько будет существовать христианство, столько будет существовать антихристианская псевдокультура, антихристианские тенденции. Нам никогда не дадут покоя. Мы всегда должны быть наготове и приложить максимальные усилия, чтобы этому оперативно противодействовать.

– Странная, вернее, опасная закономерность: как только разрешили аборт, сразу же возник бизнес на убитых человеческих эмбрионах.

– Вы имеете в виду фетальную терапию, эмбриональные стволовые клетки. Человек так устроен, что на всем может сделать бизнес, даже на убийстве. Хочу напомнить, что человечество уже имело опыт, когда пепел сожженных шел на удобрения, а из кожи убитых делали абажуры и сумочки. Сегодня пепел и кожу заменили стволовые клетки. Но «бизнес» на сумочках из кожи и удобрении из пепла закончился Нюрнбергским процессом. Как бы и здесь не получилось то же самое. Во всем мире использование стволовых эмбриональных клеток, насколько я знаю, осуждается. Использование пуповинной крови — пожалуйста, любой другой метод, где нет убийства, — тоже.

– Разрешили пересадку органов — появились черные трансплантаторы, более того, стали красть и продавать-покупать детей-сирот на органы. А нередко это делают и сами родители. Это настолько страшно, что не поддается осмыслению. Как человечество дошло до жизни такой?

– Ответ очень простой и лежит в основе почти всех «проклятых» вопросов. Это — безбожие. Если нет Бога, значит, нет нравственности. Нравственность заложена в душу человека Богом. Если ты безнравственен, значит, борешься с Богом, творишь богоборческие вещи. По Достоевскому, раз Бога нет, значит, все дозволено.

– Сейчас идет мощный «наезд» на православие и Русскую православную церковь. Зачем и почему, на Ваш взгляд, это делается?

– Россия — страна, в которой наиболее развито православие, а это — последний бастион европейской цивилизации или всего человечества, не знаю. Признание однополых браков, аборт, эвтаназия и так далее — признаки приближающегося конца. Мы не можем сказать, что закончится история Китая, Индии, но что это — закат западной цивилизации, сказать можно. Западная христианская цивилизация сама себя убивает, отказавшись от Бога. Там уже запрещают Рождество, крест. Это, конечно, предательство Христа. Никакой постхристианской культуры, идеологии быть не может. Христос для христиан — начало и конец, альфа и омега. Постхристианство, как таковое, невозможно: если человек, познав Христа, от него отказался, культура будет не постхристианская, а антихристианская. А ее персонализированное воплощение — антихрист. И все, больше ничего.

Поэтому, когда говорят, что мы должны влиться в западную цивилизацию, возникает вопрос: в какую — антихристианскую? Лучше железный занавес и самоизоляция. Вот почему православие, Русская Православная Церковь — источник постоянной ненависти со стороны Запада и здешних адептов антихристианства.

– Как спастись в нашем мире?

– Ответ понятен: добром, верой, надеждой, любовью.

Наталья ДОЛГУШИНА